

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ПИТЕР
ДАРМАН

ПАРФЯНИН
ЯРОСТЬ ОРАА

Москва
2016

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44
Д20

Peter Darman
THE PARTHIAN

Copyright © 2014 Peter Darman

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *П. Трофимова*

Дарман, Питер.
Д20 Парфянин. Ярость орла / Питер Дарман ; [пер. с англ.
И. Данилова]. — Москва : Издательство «Э», 2016. —
464 с. — (Исторический роман).

ISBN 978-5-699-85880-4

73 год до нашей эры. Парфянская империя — одна из величайших держав на земле, и ей не страшны набеги чванливых римлян. Принц Пакор — достойный наследник царства: в первом же бою с legionерами он лично захватил знамя с орлом. Но самоуверенность сыграла с Пакором злую шутку: в очередном сражении он попадает в плен. Парфянского принца ждал бы невольничий рынок и жалкая судьба раба, не оказись рядом человека, чьему имени суждено прогреметь от края до края земли, — неукротимого воина и прирожденного лидера, беглого гладиатора Спартака.

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-85880-4

© Данилов И., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ГЛАВА 1

Солнце стояло высоко в небе, воздух уже прогрелся и заполнился пылью. С высокого места на вершине холма, где мы стояли, было отлично видно, что происходило внизу, на равнине. Вокруг выстроившихся квадратом римских легионеров поднимались тучи удушающей пыли, но они стояли, как скала, на которую волнами налетали конные лучники, осыпая римлян тучами стрел, утыкавшихся в их обшитые кожей щиты. Римский легион, одинокий и неподвижный, медленно, но неуклонно размалывался и втапывался в каменистую землю Месопотамии. Мы напали на них рано утром, еще до зари, и личная гвардия моего отца во главе тысячи катафрактов разгромила их конных ауксiliarиев¹. Эта легковооруженная конница противника оказалась без труда отброшена, длинные копья наших полностью защищенных доспехами конников легко находили себе цели, нанизывая врага на стальные наконечники, про-

¹ *Катафракты* — тяжелая конница. *Ауксiliarии* — вспомогательные войска римской армии, набравшиеся из чужеземцев. (Здесь и далее — прим. перев.)

бивая деревянные щиты и кольчужные рубахи, протыкая их насквозь. Через несколько минут десятки римлян валялись мертвыми, а остальные удирали по равнине.

Когда римская конница исчезла, легионеры, повинувшись громким распоряжениям своих командиров, выстроились в сплошной оборонительный боевой порядок. Воины первого ряда опустили на колени и сдвинули перед собой щиты, второй ряд тоже упал на колени и поднял щиты над головами. Легион превратился в огромный квадрат, пустой в середине и ошетилившийся красным, когда пять тысяч щитов сплотились перед нами.

Когда тяжелая конница покончила с последними римскими всадниками, порубив их мечами в нескольких горячих, но коротких схватках, наши конные лучники заняли позиции по всем четырем сторонам ошетилившегося щитами легиона, непрерывно курсируя вокруг него и осыпая тесно сплотившиеся ряды римлян тучами стрел, залп за залпом. Стрелы, выпущенные из мощных скифских луков, изготовленных из многослойной деревянной основы, усиленной роговыми пластинами и сухожилиями, насквозь пронзали щиты и доспехи и втыкались в плоть и кости. Все больше мертвых легионеров падало на землю со всех четырех сторон боевого порядка. Мертвых оставляли лежать там, где они упали, а их места тут же занимали новые бойцы. Раненых оттаскивали внутрь оборонительного квадрата, в относительную безопасность, и укладывали под телегами и фургонами или под наскоро оборудованными навесами из грубого холста. Но все это время поток стрел наносил обороне постоянные потери. У римлян было только одно средство защиты от конных лучников — достаточно долго соблюдать дисциплину и боевой порядок в надежде, что у нас иссякнет запас стрел.

Подобно всем остальным частям нашей армии, конные лучники разделялись на отряды по тысяче всадников в каждом — они назывались драгоны, и во главе каждого стоял отдельный военачальник. Каждый драгон в свою очередь делился на сотни, чтобы легче управлять этой массой в бою.

Каждый драгон имел свое собственное знамя — полотнище в шесть квадратных футов¹ с изображенным на нем символом — кабаном, орлом, львом, тигром, газелью или слоном. Среди этих символов можно было обнаружить мифологических существ, таких как Симург — добросердечное создание с головой пса и телом павлина, а также и огнедышащих драконов. Конные лучники приближались к противнику неспешной рысью, осторожно, стараясь держаться вне зоны поражения римскими стрелами и дротиками. Это не представляло сложности, поскольку дальность выстрела из наших луков достигала, по меньшей мере, пяти сотен футов, тогда как римские луки были эффективны на вдвое меньшей дистанции. После этого всадники переходили на кентер, легкий галоп, накладывая стрелы на тетивы и натягивая луки по мере приближения к неприятелю. А затем, оказавшись на расстоянии выстрела, переходили в галоп. После чего резко поворачивали вправо или влево и выпускали стрелу, когда кони уже уносили их прочь от вражеских рядов. Наиболее умелый лучник способен выпустить еще одну стрелу, пока конь уносит его обратно к нашей передовой линии; всадник при этом разворачивается в седле и посылает стрелу назад, практически над крупом коня.

— А эти парни хорошо знают свое дело. День сегодня будет трудный и длинный. — Бозан отломил кусок лепешки и сунул его в рот, продолжая пристально наблюдать за тем, что происходит внизу, на равнине. Приземистый, с выпуклой, как бочонок, грудью и коротко остриженными волосами, этот воин уже в течение двадцати лет являлся вторым по значению лицом в нашей войске, заместителем отца, а также моим учителем и наставником. Я стоял рядом с ним под огромным тентом, который слуги воздвигли на вершине холма. Но он обращался не ко мне. Его слова были обращены к моему отцу, Варазу, царю Хатры², который также неотрывно наблюдал за ходом битвы.

¹ Здесь имеется в виду римский фут, равный 29,6 см.

² *Хатра* — небольшое княжество и хорошо укрепленный торговый город в Северной Месопотамии, в междуречье Тигра и Евфрата.

Отец махнул рукой, подзывая к себе одного из своих командиров:

— Передай командирам драгонов, чтобы берегли стрелы.

Командир отдал честь:

— Слушаюсь, государь.

Отец обернулся к Бозану:

— Верблюды должны скоро подойти, и тогда мы усилим нажим. Нужно покончить с ними до наступления ночи, иначе они смогут удрать.

— Именно поэтому они так упорно и держатся, — ответил ему Бозан. — Не считаются с потерями, лишь бы выиграть время. Умные мерзавцы, эти римляне! А ты как думаешь, Пакор?

Я даже задохнулся от гордости. Бозан, воин, участвовавший в сотнях битв, спрашивает моего совета! И решил, что сейчас не время изображать скромность.

— Думаю, мы должны прямо сейчас атаковать их тяжелой конницей. И пробиться прямо сквозь построение. И никакой пощады!

Бозан откинул голову назад и разразился хохотом, а отец обернулся и уставился на меня. Потом нахмурился и покачал головой. Я почувствовал, как у меня вспыхнуло лицо, и оглянулся вправо и влево на стоявших поблизости командиров из личной охраны отца — все они были одеты в доспехи, изготовленные из перекрывающих друг друга бронзовых пластинок, нашитых на кожаную основу. Некоторые улыбались, хотя и не насмешливо, не саркастически — по крайней мере, я надеялся, что это не так, — просто с улыбкой воспринимали мой юношеский энтузиазм.

— Тогда они нас точно всех перебьют, — Бозан прошел мимо, на ходу похлопав меня по плечу. — Пошли. Надо перекусить.

Отец взял меня за руку, и мы направились к длинному столу, где уже стояли приготовленные блюда с мясом, хлебом, фруктами и кувшины с вином.

— Сперва мы должны убедиться, что противник в достаточной мере ослаблен, а уж потом посылать на них наших

катафрактов. Иначе результат будет печальный, слишком много парфян погибнет безо всякой пользы.

— Но, отец, — заметил я, — они ведь и так достаточно ослаблены, не правда ли? Мы уже два часа засыпаем их стрелами; а при таком палящем солнце они наверняка до предела вымотаны и готовы удариться в бегство.

Мы присели к столу — мой отец посередине, а мы с Бозаном по бокам. Отец взял серебряный кубок, и слуга налил в него вина. Он отпил глоток и провел пальцами по полированной сверкающей поверхности.

— Римляне — одни из лучших воинов в мире. Чтобы как следует подготовить легион, требуется около пяти лет, и в конечном итоге они получают пять тысяч воинов, готовых маршировать целый день, вступить вечером в бой, потом выстроить на ночь укрепленный лагерь, огородив его частоколом, и только после этого улежся спать. Каждый человек знает свое место, помнит свои обязанности, свой долг, готов умереть, если это понадобится. — Отец помолчал, прислушиваясь к грохоту битвы. — Их тренировки и учения — это бескровные битвы, но их битвы — это кровавые тренировки. Нам повезло, что мы застали их врасплох и разгромили легкую конницу, но это пока что единственное, чего мы добились. С этого момента нам необходимо перейти к более сложным действиям, противопоставив их самым лучшим тактикам в мире. Стало быть, пока что будем ждать.

А я-то прямо-таки рвался в бой, горел от нетерпения проявить себя в жаркой схватке. Вся моя предыдущая жизнь была подготовкой к этому дню, когда я смог бы показать себя в битве. И вот я здесь, вместе с отцом, перед лицом римлян — злейшего врага Парфянской империи. Отец привел три тысячи конных лучников и тысячу тяжеловооруженных всадников в бесплодную, высушенную местность в тридцати милях от города Зевгма. Это была его постоянная, профессиональная армия, содержащаяся за счет доходов княжества Хатра, моей родины, страны между Тигром и Евфратом. В случае необходимости ряды армии могли быть пополнены тысячами всадников из дружин знатных людей, землевла-

дельцев и их слуг, принесших вассальную клятву верности моему отцу, их царю и сюзерену. Но для меня это не имело никакого значения.

Всем было известно, что он — впервые! — взял меня с собой на войну с одной-единственной целью: чтобы я сражался рядом с ним. Но пока все, что мне приходилось делать, это стоять на месте, будто я простой слуга. Я был в восторге, когда он взял меня с собой в эту кампанию, начатую после того, как мы получили сведения, что римский легион движется из Сирии к городу Зевгма. Мы всегда оплачивали множество шпионов, чтобы те снабжали нас информацией о происходящем за границами нашего княжества, правда, это частенько приводило лишь к напрасной трате денег. Но в этот раз сведения оказались точными, и мы устроили засаду на римлян, как только они вступили на территорию Хатры и направились к Зевгме.

Как же я завидовал наставнику Бозану, старому воину, который научил меня рубить и колоть мечом, владеть копьем, командовать тяжелой конницей! Длинный шрам, тянувшийся по его правой щеке, на мой взгляд, был знаком чести и доблести, украшением воина. Мне самому хотелось иметь такой же. И сейчас у меня не было ни аппетита, ни желания угоститься роскошными блюдами, расставленными на столе передо мною.

Поскольку я раздумывал над возможными последствиями того, что происходило на равнине внизу, то почти не обратил внимания на командира, который поспешно подошел к отцу и упал на колени, передавая сообщение. Отец тут же поднялся на ноги и обратился к остальным командирам, сидевшим за столом:

— Господа, верблюды прибыли. Настало время испытать римлян на прочность.

Все командиры немедленно встали, отдали ему честь и разбежались по своим подразделениям. Бозан повернулся ко мне:

— Пора. Иди, надевай доспехи, они тебе скоро очень пригодятся.

Если до этого в войске царило полное спокойствие, то теперь все возбудились и зашевелились. Сотни тяжеловооруженных конников начали строиться в шеренги. Я очень нервничал, но старался этого не показывать. Бозан, как всегда бдительный и наблюдательный, заметил произошедшую со мной перемену.

Он хлопнул меня по плечу:

— Иди, готовь своего коня. Две сотни верблюдов наконец прибыли сюда, и на каждом навьючены сотни новеньких стрел. Думаю, понадобится около часа, чтобы их раздать воинам, потом еще час, чтобы больше ослабить римлян, а после этого твой отец направит в бой своих закованных в броню конников. Так что у тебя еще полно времени. Как будешь готов, садись в седло и подъезжай сюда.

В соседней долине толпились сотни воинов, готовили к бою коней и оружие. Каждый проверял седло и подпругу, защитное снаряжение коня и все прочее, прежде чем заняться своим оружием и доспехами. Вокруг сновали слуги, помогая им, когда это требовалось, но, согласно парфянской традиции, каждый воин проверял свое снаряжение сам. Никто не хотел доверять собственную жизнь кому-то постороннему. Вот и я проверял все, что требовалось, а мозг сверлили слова, которые не раз вбивал мне в голову Бозан: «Никогда не доверяй никому свою жизнь. В некоторых войсках оружие и броню воина готовят к бою рабы или слуги, но не в Парфии и, конечно же, не в войске Хатры. Как можно доверять другому человеку, который может тебя презирать, ненавидеть, даже желать тебе смерти? Как можно доверить ему точить тебе меч или седлать коня? Готовясь к бою, ты должен все делать сам, даже самые мелкие и незначительные вещи, чтобы в битве думать только о том, чтобы убить врага, а не беспокоиться насчет того, достаточно ли хорошо затянута подпруга и не подрезал ли ее ненадежный слуга».

Моя лошадь, белая кобыла шести лет от роду, именовалась Сура, что значит «Сильная». Она тыкалась мордой мне в грудь, пока я взнуздывал ее и пристегивал уздечку и повод. Потом взялся за седло — оно было деревянное,

а обе луки, передняя и задняя, были изготовлены из рога, окованы бронзой и обернуты мягкими накладками. Сверху все это было обтянуто кожей. Высокие луки из рога помогают всаднику прочно держаться в седле. Я проверил все подковы Суры, прежде чем надеть ей на голову и на тело защитную попону. Попона была изготовлена из сыромятной кожи и обшита небольшими, перекрывающими друг друга стальными пластинками, способными выдержать мощный удар. Даже глаза были прикрыты небольшими стальными решетками, хотя это несколько ограничивало ей поле зрения.

У каждого катафракта имелось по два оруженосца, которые заботились о его коне и прочем снаряжении, но царские телохранители были обеспечены еще лучше. Мое оружие и доспех были выложены на деревянный стол возле временного стойла из натянутого на жерди полотна, приготовленного для Суры. Сбоку торчала деревянная стойка с двенадцатифутовыми копьями, каждое было увенчано длинным стальным наконечником.

Я взял свой доспех и надел его. Он также был изготовлен из сыромятной кожи и весь обшит квадратными стальными пластинками. Он закрывал мне грудь, спину, плечи, руки и переднюю часть бедер. Доспех был тяжелый, так что я сразу начал потеть, хотя не мог сказать точно: от жары и веса доспеха или от страха. Потом я взял свой шлем и осмотрел его. Он был стальной с нащечниками и тыльником и с одной стальной стрелкой, прикрывающей нос. Венчал его высокий белый плюмаж, какой носили все в тяжелой коннице отца.

— Принц Пакор! — раздался рядом чей-то голос.

Вздвигнув, я обернулся и увидел перед собой Виштаспа. Высокий, худой, с холодным взглядом темных глаз, командир телохранителей моего отца не выразил никаких чувств, осматривая мое вооружение. Он еще не надел свой доспех, на нем была лишь белая шелковая туника и свободные штаны.

— Господин мой Виштасп, — ответил я на его приветствие.

— Итак, твой первый бой. Будем надеяться, что время и усилия, потраченные на твою боевую подготовку, не пропали даром.

В его голосе я явственно расслышал пренебрежительную нотку. Должен признаться, я не испытывал особой любви или привязанности к этому Виштаспу, считая его равнодушным, холодным и надменным человеком. Эта холодность хорошо служила ему в бою, и двадцать лет назад он спас отцу жизнь в битве с армянами. Тогда Виштасп был князем в собственной стране, в городе Сильван на границе с Арменией, но армяне разрушили город и убили всех членов его семьи, когда отец Виштаспа, старый князь, вступил в союз с Парфией. Мой отец находился в составе войска, посланного на помощь воинам Сильвана, но кончилось тем, что войско было разбито вместе со своими сильванскими союзниками. А Виштасп, оставшись один, лишившись дома и семьи, перебрался в Хатру. Его преданность оказалась вознаграждена назначением на должность командующего отцовской гвардией — пятью сотнями лучших воинов во всем нашем войске. Отец обожал этого человека, которому исполнилось пятьдесят — он был на пять лет старше его, — и не желал слышать о нем ничего худого. В ответ Виштасп платил ему безграничной преданностью. Но это больше походило на преданность и поклонение злобной собаки своему хозяину. Если Бозана боялись враги, но любили и обожали друзья, то Виштаспа боялись или в лучшем случае недолюбливали все. Сомневаюсь, что у него вообще были друзья, что, как мне кажется, вполне его устраивало. Это делало его в моих глазах еще более холодным и равнодушным.

Он прошел мимо и схватил со стола мой меч в ножнах. Вытащил клинок, взмахнул им, разрезая воздух. Это было великолепное обоюдоострое оружие с искусно сделанной крестовиной и гардой и серебряной головкой рукоятки, vyplненной в виде конской головы.

— Я надеюсь, что сегодня принесу славу своему отцу, — сказал я.

Виштасп еще раз взмахнул клинком.

— М-м-м-м, — промычал он и, вложив меч обратно в ножны, протянул его мне. — Отличный меч. Надеюсь, он отведа-ет нынче римской крови.

После чего, коротко кивнув, он удалился прочь.

Час спустя я в полном вооружении сидел верхом на Суре и находился рядом с отцом вместе с остальными тяжеловооруженными конниками числом в тысячу. Мы прятались за одним из высоких холмов, что возвышались вокруг поля битвы, но шум боя, крики раненых воинов и коней, их предсмертные вопли доносились и сюда. Отец, положив снятый шлем на седло, повернулся ко мне.

— Пакор, ты возглавишь атаку, — заявил он.

Бозан, стоявший справа от меня, в удивлении обернулся к нему:

— Нужно ли это, государь?

— Время пришло. Настал час, когда мальчик должен стать мужчиной. Когда-нибудь ему предстоит править вместо меня. А люди не пойдут за царем, который не водил их в битву.

У меня все сжалось внутри. Я-то думал, что помчусь в бой рядом с отцом, а теперь оказалось, что я сам должен повести в атаку конницу, один, и все будут смотреть на меня, желая видеть, как я прохожу это испытание на звание настоящего мужчины.

Я с трудом сглотнул.

— Это высокая честь, отец.

— Я прошу позволить мне идти в бой рядом с твоим сыном, государь, — сказал Бозан.

Отец улыбнулся:

— Конечно, Бозан. Я никому другому не доверил бы безопасность своего сына.

С этими словами отец нахлобучил шлем на голову и направил коня в сторону. За ним последовали Виштасп и телохранители; они останутся в резерве. Развернулось огромное алое знамя, украшенное гербом моего отца — белой конской головой; оно затрепетало под ветром, когда отряд гвардейцев царя поднялся к вершине холма, откуда они будут на-

блюдать за нашей атакой. Бозан протянул руку и придержал меня за плечо:

— Помни все, чему тебя учили. Сосредоточься на непосредственной задаче и помни, что ты в поле не один.

Он застегнул ремешок шлема, крепивший нащечники, и его лицо почти исчезло за мощными стальными пластинами. Потом повернулся и дал сигнал своим командирам. Затрубили рога, и весь отряд, как один человек, тронулся вперед. У каждого воина на шлеме колыхался белый плюмаж, и все они были на белых конях, хотя виднелись только ноги животных, поскольку каждый конь, как моя Сура, был защищен пластинчатым доспехом.

Мы выстроились в две колонны, каждая по двести пятьдесят человек, на расстоянии в четыре сотни шагов одна от другой. И двинулись вперед шагом, неспешно поднимаясь по пологому склону холма. Сердце у меня стучало так сильно, что, казалось, вот-вот вырвется из груди. Шум и грохот битвы слышались все сильнее и стали еще громче, когда мы перевалили через вершину. Я охнул, рассмотрев, что творилось внизу. Легион продолжал стоять в том же боевом порядке, образуя четырехугольник, пустой в центре, и его по-прежнему атаковали со всех сторон сотни конных лучников, но основные их усилия были направлены против двух углов той стороны обороны римлян, что была обращена к нам и на которую мы должны были напасть. Хотя солнце уже стояло высоко, оно светило нам в глаза, и это меня немного беспокоило.

— Почему мы атакуем их с этой стороны, когда солнце бьет нам в глаза, а не наоборот? — прокричал я Бозану.

— Доверься своему отцу, — получил я его ответ.

Я заметил, как наши пешие воины сбегают с холма и строятся в боевую линию у его подножья справа и слева от нас. У каждого из них был щит с вроде как серебряной обшивкой снаружи. Для чего это было сделано, я не знал.

Двести верблюдов, что доставили нам свежий запас стрел, теперь доказали свою необходимость. Каждый конный лучник мог выпустить до десяти стрел в минуту, и это означа-